

Пабло Неруда Дом на песке

Перевод с испанского и вступление Э. Брагинской. Перевод стихов Ю. Гирина

2004 год объявлен ЮНЕСКО годом, великого чилийского поэта Пабло Неруды, которому 12 июля исполнилось сто лет со дня рождения.

В Чили поэт Пабло Неруда – поистине культовая фигура, национальное достояние. Мало сказать в Чили - на всем латиноамериканском континенте. Да и редко кому из поэтов XX века выпадала при жизни такая всесветная слава; она сложилась не только из созданных им стихов, но и благодаря его неизменно стойкому чувству ответственности за судьбы людей Чили и всей земли.

В нынешние времена усердно ищут в его поэзии позднего периода признаки если не отступничества, то разочарования в левых, революционных взглядах. И напрасно. Неруда, этот «самый счастливый человек в мире» по аттестации Ильи Эренбурга, человек, который «хотел бы съесть всю землю и выпить все море»^[1], в разные годы своей жизни писал стихи, полные скорби и горечи, ведь он был поэтом и гражданином бурлящей Латинской Америки, а не благополучной и благоустроенной Европы. Да и странно хотеть прежнего радостного мироощущения от тяжело больного поэта, который знал и не хотел знать о своей смертельной болезни, но даже смертельно больной, он не изменил самому себе, когда расстреляли дворец Ла-Монеда, откуда не ушел президент Альенде.

© Э. Брагинская. Перевод, вступление, 2004

© Ю. Гирин. Перевод, 2004

Многие исследователи творчества Неруды – а о нем написаны горы книг, монографий и статей – согласным хором твердят, что он пришел в поэзию, чтобы назвать все неназванное, дать имя всему безымянному.

Но лучше всех об этом и не совсем об этом сказал Хулио Кортасар, который всю свою жизнь преклонялся перед Нерудой. «...На наших глазах вершилось вербальное Сотворение целого континента, наконец-то устами настоящего латиноамериканца рыба была названа рыбой, и все вещи, все материи, живые существа, создавались и складывались в словесный рисунок с оригинальных матриц, без покровительственного одобрения всех линнеев, гумбольдтов, кювье и дарвинов, которые по-отечески снисходительно оделили нас своими символами и образцами...»^[2] В том-то и дело, что Неруда не столько назвал неназванное, сколько сумел назвать иначе, по-новому – что и есть, в сущности, предназначение настоящего поэта! - все, что до него было названо по заемным меркам и шаблонам. И люди Чили, всей Латинской Америки смогли наконец увидеть, ощутить, услышать вьяве самих себя. В том и есть поэтическое подвижничество Неруды.

Известно, что Неруда был великим противником толкований его поэзии. Он не раз писал и говорил о том, что ему скучны всяческие попытки анатомировать его поэзию. Он старательно избегал высокоумных разговоров и научных дефиниций. Я была свидетелем тому, как он в ресторане гостиницы Националь специально заказал столик возле усердно гремящего в те далекие годы оркестра, чтобы им же приглашенные московские друзья и знакомые не пускались в рассуждения насчет его творческих концепций. Так и вижу Поэта: сидит, радуется друзьям и улыбается лукаво.

Не принимал Неруда и деления его поэзии на лирическую и гражданскую. Вот строка из его мемуаров: «Осторожно! Не режьте пополам яблоко творчества: так можно рассечь наше сердце, и тогда мы погибнем. Осторожно! Мы должны дать место поэту не только на улице и в строю, ему нужен и свет и мрак»[3].

Поэзия Пабло Неруды – огромная, неохватная, она в постоянных поисках и обретениях, в ней все регистры, все тембры, все уровни напряжения человеческих чувств, разочарований и надежд, в ней чрезвычайны и полномочны «Я», «Ты» и «Мы».

И в публикуемой нами сегодня книге, не без грустного подтекста названной поэтом «Дом на песке», созданной им вместе с мастером художественной фотографии Серхио Ларрайном в 1963 году, распростерся все тот же огромный поэтический мир Неруды.

Исла-Негра переводится на русский язык как Черный остров. На самом деле Исла-Негра никакой не остров, а местечко на побережье Тихого океана в ста километрах к югу от Сантьяго. По свидетельствам друзей Неруды у этого дикого и почти безлюдного места, куда поэт приехал вместе со своей второй женой Делией дель Карриль в 1939 году, не было даже и названия. Но среди песков высилась громада черных камней, и сопровождавший их родственник воскликнул: Черный остров, Исла-Негра! Вот и вся история с географией. Пленившись суровой красотой берега со скалами и камнями, поэт купил в рассрочку, в счет издательских гонораров, маленький дом у бывшего испанского капитана, чтобы в тиши, без городской суеты приступить к созданию своего грандиозного творения – «Всеобщей песни». Вот что пишет об этом он сам в своих мемуарах: «Идея написать большую поэму, которая объяла бы исторические события и природу континента, жизнь и борьбу наших народов, - эта идея стала для меня первостепенной и неотложной. Дикое побережье Исла-Негра и неумолчное волнение океана помогли мне...»[4]

Потом Неруда долго и озорно достраивал этот дом из камня, дерева и цемента, пока он не стал напоминать корабль на песке с настоящим трапом, с брошенным в саду огромным якорем, с флагом и колоколами, с фантастической коллекцией морских раковин, с именами друзей на потолочных балках, среди которых есть и имя его любимого московского друга Овадия Савича, с капитанским мостиком на втором этаже и с огромным окном, откуда все последние месяцы своей жизни поэт видел один и тот же пейзаж – пески, камни и бесконечный океан, дорогу его плаваний и возвращений. « Я и дом свой

построил как большую игрушку и играю с ней дни напролет»[5]. Этот дом – еще одно прекрасное, искреннее и дерзкое поэтическое творение Неруды.

Сложенная из морских камней могила Неруды и могила воспетой им в «Ста сонетах о любви» Матильды Уррутиа – словно эпилог к его последней книге. Поэт хотел навсегда остаться и остался рядом со своим любимым домом, рядом с шумом океанских волн. А дом его на побережье Тихого океана стал местом всемирного паломничества, местом

самых разных и шумных событий культурной жизни Чили и других стран. И именно с Исла-Негра еще в сентябре прошлого года началась во всем мире череда празднований столетия со дня рождения Пабло Неруды.

Э. Брагинская

КЛЮЧ

Я теряю ключи, теряю шляпу и заодно – голову! А этот огромный Ключ висел себе одиноко над дверью лавки скобяных товаров моего приятеля Рауля в Темуко [6]. Его подвесили, чтобы индейцы знали: вот тут - лавка «Ключи». Уезжая на север, я выпросил, нет, отобрал его у Рауля, выкрал в самую грозу, под шквальным ветром. Не мешкая, я вскочил со своей добычей на коня и помчался в сторону Лонкоче [7]. Оттуда мы вместе с ключом, словно это вовсе не ключ, а невеста в свадебном наряде, отправились домой ночным поездом...

Наконец-то я догадался: все, что куда-то исчезло, пропало с глаз, унесло к себе море-океан. Оно пробирается в дом по ночам через замочные скважины, через зазоры в двери и в окнах.

Коль по ночам, в темноте, море – желтого цвета, у меня возникла смутная мысль, что это оно тайно проникает в мой дом. Сколько раз я обнаруживал в подставке для зонтиков и в нежных ушках Марии Небесной морские капельки, застывшие желтым металлом, частички его золотой маски. Ведь ночью море совсем сухое. В нем та же мощь, та же громадность, то же смятение волн, только в темноте море оборачивается большой чашей звенящего воздуха, чем-то, что не дается в руки, что избавилось от воды. Вот почему море без труда приходит в мой дом и спешит узнать, сколько чего у меня есть. Оно приходит ночью перед зарей: всё в доме вроде бы на прежних местах, только – соленое. Дерзкое море трется о тарелки, ножи и самые разные вещи, но, похоже, без злого умысла. Однако они замирают от страха, едва море является в дом, сверкая всеми своими глазами желтого кота...

Вот так я потерял ключ, шляпу и собственную голову.

Их унесло море в часы отлива. А все же однажды утром я обнаружил свои пропажи. Их вернула добрая посланница – морская волна, которая нет-нет да и бросает пропавшие вещи к моей двери.

Вот так, благодаря искусному морю, новое утро возвратило мне и мой белый ключ, и засыпанную песком шляпу, и мою незадачливую голову.

МОРЕ

Тихий океан вылезал за края карты. И никак не могли найти ему подходящего места. Он, такой огромный, такой безудержный, такой синий, не умещался нигде. Вот почему его бросили прямо перед моим окном.

Гуманистов всегда печалила участь маленьких людей, тех, кого проглотил океан.

Но они не сказали ни слова о затонувшем галеоне, груженном сямской корицей и перцем, что наполнили океан терпкими запахами.

Ни слова!

Ни о том корабле первооткрывателей, хрупком, точно упавшая в волны детская колыбель, который вместе с изголодавшимися на его борту людьми ухнул в пучину.

Нет!

Человек в океане растворяется, будто веточка из соли. Но вода об этом не знает.

МОРЕ

Южное Море! Вперед, первопроходцы! Бальбоа [8] и Лаперузы [9], Магелланы [10] и Куки [11], сюда, благородные мужи, только не наткнитесь на этот риф, не запутайтесь в бурых плетях саргассо [12], не шутите с волной. Ну, а теперь - вниз! В самую сердцевину безмолвия. Вот сюда, завоеватели! И все, хватит!

Пора умирать!

МОРЕ

И по-прежнему все в движении - волны, песнь, рассказ и смерть!

Старик-океан, заходясь в хохоте, открывал своих открывателей. Он удерживал на мятущейся воде и легковверных маори [13], и съедавших друг друга фиджийцев [14], и самоанцев, что лакомились водяными лилиями, и безумцев с Рапануи [15], которые воздвигли каменные статуи, а еще - простодушных жителей Таити и лукавых островитян, а позднее басков, португальцев, эстремадурцев [16] со шпагой, кастильцев с крестом, англичан с мешками денег, андалузцев с гитарой и летучих голландцев. Ну и что?

МОРЕ

Обнаруживая пришельцев, даже не удостоив их взглядом, одним холодным прикосновением океан валил дерзких мореплавателей с ног и всех поочередно заносил в водяной реестр.

И хоть бы что стало с Океаном, с его солью, с его бездной, с размахом его волн! Мертвецы не заполнили его, нет. Он разрастался в необъятном безмолвии. Там не загубить семя, там не сгноить кожуру: вода – это и сперма и чресла, это хрустально-прозрачное свершение.

ПЕСОК

Эти пески - желтые зернышки, они совсем особенные, бесподобные. Белые пески, темные... те прилипают к коже, к одежде, лезут куда угодно, их ощупью не возьмешь. А золотые пески в Исла-Негра, они будто крохотные скалы, частички какой-то погибшей планеты, которая сгорела, объята пламенем, там наверху, далеко, желтая, за пределами времен.

Люди ходят по песчаному берегу согнувшись, что-то отыскивая подолгу, оттого и назвали это место «Островом Пропавших Вещей».

Океан непрерывно приносит сюда тяжелые обкромсанные доски, кругляши зеленого стекла, пробковые поплавки, битые бутылки, облагороженные волнами, обломки крабов, ракушек, морских блюдец [17], и разных предметов, изъеденных, состарившихся под тяжестью упорствующей воды. Среди хрупких колочек, крохотных морских ежей, среди лап темно-лиловой хайвы [18], змеятся *кочаюйо* [19] - привычная пища бедняков - длиннющие морские водоросли, округлые, как угри. Даже на песке они, взблескивая, подрагивают, скользят, потревоженные уклончивой волной Океана, который все еще их преследует. Давно известно, что это морское растение, достигающее четырехсот метров в длину, - самое длинное на планете. Так вот, эта морская водоросль припадает своим громадным присоском к скале и, опираясь на пробковые поплавки, разметывает по водяной постели свою огромную гриву, облепленную тысячами янтарных сосочков.

И если над Андами летает кондор, и если парят над чилийским морем альбатросы, а зубатый кит, кашалот, погружается в наши воды, чтобы выжить, значит, мы - маленькая родина самых больших крыльев, самых длинных волос, которые безустанно шевелит Океан, значит, мы родина чего-то сумрачного, что пульсирует в его подводных погребках.

АГАТЫ

Ну откуда в моих руках разноцветные агаты? Каждое утро они появляются у моих дверей. Наверно, это добыча утренней зари: какой-нибудь забредший сюда пастух из верхних деревень, а то и Гонсалес Вера, или Лина, или Мария могли затеять спор из-за этих маленьких прозрачных камешков с янками, собирателями съедобных ракушек на продажу. Эти янки стерегут свой товар у самого берега, возомнив себя законными владельцами всего, что выносит волной на песок. Как знать? Но главное - все камешки терпеливо ждут, когда я проснусь. Вот и теперь передо мной снова драгоценные дары, которые посылает мне океан, сам, своими руками; один камешек, сто камней, килограмм или целый бочонок - все у него в одной цене...

И на моей ладони таинственные капельки – кружочки света,

похожие на виноградины, которые окаменели, чтобы уместиться в стихах, сложенных Эспиной о Хениле [20]; капельки цвета устриц или осеннего меда. Они подернуты сединой по воле неведомого серебристо-пепельного божества или вдруг прошиты насквозь чьей-то золотой иглой, а иногда - с вмятинкой от прикосновения крохотной волны... Агаты в Исла-Негра, они такие разные – то дымчатые, то светло-голубые, они молочно-красные, темно-зеленые, рыжеватые, приглушенно-лиловые или нежно-салатные изнутри, точно гроздь мускатного винограда; застывшие в прозрачности, открытые свету... Океан вынул их из своих сот и преподнес в дар всем прихотям кристалла – пречистой чистоте.

РАСТЕНИЯ

Почти никто не знает, вернее, толком не знает об этих растениях, что щетинятся на океанском берегу! Сколько раз я спрашивал про них то у одного, то у другого, но в ответ слышал что-то невнятное от рыбаков, от крестьян и от местных ребяташек. А впрочем, кто знает, как называется твоя или моя шкура, или кожа уха? Нет и не было имени у кожицы вокруг нашего пупка. Вот и эти растения, исхлестанные соленым ветром, они - кожа и шкура морского побережья.

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ В ИСЛА НЕГРА (1963)

Когда по радио стали передавать, что мое имя называется в числе возможных лауреатов Нобелевской премии по литературе, мы с Матильдой тотчас привели в действие план № 3 по обороне нашего дома. В первую очередь навесили огромный замок на старые деревянные ворота и запаслись продуктами и бутылками красного вина. А для себя я раздобыл несколько детективных романов, чтобы скрасить предстоящее затворничество.

Журналисты не замедлили явиться в наши пределы. Но нам удалось удержать их напор. Могучий бронзовый замок, кстати, очень красивый, нас не подвел. Представители прессы кружили вокруг ограды, точно тигры. На что, собственно, они рассчитывали? Что я мог сказать о дебатах, которые ведут только шведские академики, да еще на другом конце земли? Тем не менее журналисты были здесь, у нашего дома, и по их горящим глазам я понимал, что они надеются выжать из меня любые подробности. Вскоре журналисты исчезли, и наш берег избавился от их грозного нашествия. Однако мы, на всякий случай, решили не показываться на глаза никому...

В том году весна пришла с опозданием на Южное побережье Тихого океана. И дни, проведенные в тиши, как никогда помогли мне сблизиться с океанской весной, которая хоть и опоздала, но приготовила самые лучшие наряды к своему безлюдному празднику. За лето здесь не выпадет ни одного дождя. Земля – суровая, иссохшая, без промелька зелени: глина, камни, колючки. Зимой океанский ветер дает волю ярости и, беснуясь, швыряет на берег соль вместе с клоками океанской пены. Похоже, вся природа стынет в тоске, не смея перечить грозной стихии.

А весна, она первым делом принимается за свой великий золотисто-желтый труд, устилая все вокруг коврами золотистых крохотных цветов. Эти маленькие бесстрашные цветочки покрывают склоны холмов, опоясывают скалы, подступают к самому океану, вылезают на дорогу - прямо под ноги людей. Они точно бросают нам вызов, утверждая свое право на существование. Столько времени эти цветы, отвергнутые бесплодной землей, не видели света, столько времени жили потаенной жизнью, что теперь не знает удержу их желтое ликование.

Но вот маленькие цветочки блекнут, исчезают, и вокруг нас - стлань густо-фиолетового цветенья. Сердце весны, поначалу солнечно желтое, постепенно становится синим, затем алым... Но почему уступают место друг другу эти крохотные бесчисленные венчики неведомых цветов? Наверно, ветер приносит в какой-то день одни краски, потом, на смену, – совсем другие, словно там, среди холмов, Весна то и дело меняет цвета своего государственного флага, и ее республики одна за одной радостно поднимают свои боевые штандарты.

В эту пору на побережье зацветают кактусы. Там, на дальних отрогах Анд, грозными колоннами встают граненые, утыканные колючками кактусы-великаны. А прибрежные кактусы, напротив – маленькие и округлые. Только теперь я заметил, что все они увенчаны множеством алых бутонов, словно чья-то рука принесла им обещанную дань, окропив собственной кровью. Когда бутоны раскрываются, издали видно, как среди белизны пенных брызг пламенеют тысячи кактусов в полном цвету.

Старая агава возле дверей моего дома выбросила из своего чрева цветок–самоубийцу. Это огромное и мясистое сине-желтое растение за десять лет жизни стало выше меня ростом. И вот теперь оно расцвело, чтобы умереть. Агава выметнула свое могучее зеленое копье высотой в семь метров, ближе к острию перехваченное мелкими, почти сухими

цветочками, припорошенными золотистой пылью. Вскоре исполинские листья агавы начнут подламываться, и она погибнет.

Рядом с умирающей агавой рождается еще один цветок-гигант. За пределами моей родины вряд ли кто знает о нем. Он растет только здесь, на наших антарктических берегах, и называется чауаль (*puuachilensis*). Этому растению когда-то арауканы поклонялись как божеству. Давно уже нет Араукании. Кровь, смерть, время, а следом эпическая арфа Алонсо де Эрсильи ^[21] завершили историю тех давних лет, когда суровое племя глиняных глубин вдруг проснулось, стряхнуло с себя пласты геологии и поднялось на защиту своей родины от нашествия чужестранцев. Когда я вижу, как снова зацветает чауаль над веками безвестных смертей, над пластами и пластами забвенья, пропитанного кровью, мне кажется, что само прошлое нашей земли цветет в укор, в осуждение тому, какие мы есть, какими мы стали.

Но я чуть не забыл рассказать о чауале.

У него острые, зубчатые листья, и он принадлежит к семейству бромелиевых. Зеленым костром полыхает чауаль по обочинам дорог, храня и множа в своей сердцевине коллекцию таинственных изумрудных шпаг. Но вот из его плоти устремляется ввысь одинокий гигантский цветок, одна гроздь, одна зеленая роза, огромная, в рост человека. Этот цветок сродни морскому кораллу, великое множество цветочков соединилось в нем так прихотливо, что кажется, будто над морем призрачно взблескивает зеленый храм, осыпанный золотистой пылью. Чауаль - единственный в мире гигантский зеленый цветок, единственный зеленый памятник морской волне.

Крестьяне и рыбаки моей родины давно забыли, как зовутся наши маленькие растения, маленькие цветы, и те потеряли свои имена. Постепенно стирались в людской памяти названия этих цветов, и они, перестав гордиться своей красотой, боязливо спрятались в путани трав, безымянные, как те камни, что увлекает за собой река со снежных андских вершин к безвестным берегам. Наши крестьяне и рыбаки, шахтеры и контрабандисты давно свыклись со своей суровой судьбой, с непрерывной чередой смертей, воскрешений, обязанностей и тщетой усилий. Людям трудно быть героями на еще не открытой земле, ибо в них самих, в их нищете живут лишь слабые отсветы безымянной крови и тех цветов, чьи имена не ведомы никому.

Один такой цветок буквально заполонил мой сад. На самом краю его глянцевого и стройного стебля покачивается множество инфрасиних мелких цветочков. Не знаю, многим ли суждено увидеть столь совершенный синий цвет. Может, он открывается только избранным и остается незримым для тех, кого некий бог синевы не удостоивает столь высокой чести? А вдруг все дело в той радости, что охватила меня в тиши одиночества? И оттого я так горжусь встречей с этой полнотой синевы, с синим колоском, с синими огоньками в нетронутой людьми весне?

Напоследок я расскажу о «доках». Не знаю, где еще найдешь эти цветы, они разрастаются тысячами тысяч и ползут меж скал по песку, втыкаясь в него своими треугольными пальцами. Весна унизила эти припавшие к песку пальцы амарантовыми перстнями небывалой красоты. В последние дни весны вся Исла-Негра залита сияньем этих цветов, чье греческое название – *aizoaseae*. Они точно обрушились на берег, выплеснулись из морской подводной пещеры, пролились пьяным соком пурпурных гроздей, что хранит в погребах сам Нептун.

В эти минуты по радио объявили, что Нобелевской премии удостоен поэт из Греции. И к нам с Матильдой наконец-то вернулась свобода. Мы торжественно сняли большой замок с потемневших от времени ворот, чтобы весь мир снова входил в наш дом без стука и без предупреждения. Как весна.

КАМНИ

Камни, скалы, утесы... Может, это остатки неведомого взрыва? А может, сталагмиты, когда-то уходившие под воду, или грозные обломки полнолуния? Или кварц, который обрел иную сущность, или статуи, раздробленные, порушенные временем и ветром? Или ростры недвижных кораблей, или великаны-мутанты, которые окаменели, прежде чем умереть, или золотые черепахи, или звезды, брошенные в темницу? Или густые, как вулканическая лава, морские кручи, которые невесть отчего вдруг остановились, или сны предыдущей земли, или сорвавшиеся с другой планеты наросты, или застывшие высверки гранита? Или хлеб наших яростных пращуров, или ржавые кости, упавшие с какой-то прежней земли, или враги океана, засевшие в бастионах? Или просто-напросто камень, шершавый, неровный, искристый, серый, чистый и очень тяжелый, и, стало быть, из этого камня, из железа и древесины человек может построить себе дом на песке.

ДОМ

Дом... По правде, сам не знаю, как он у меня возник... Близился вечер, когда мы верхом на лошадях попали в этот безлюдный край... Дон Эладио впереди нас перебирался вброд через речушку Кордоба, вспухшую от прибылой воды... Впервые меня словно кольнуло пряным воздухом морской зимы, где смешались запахи больдо [22], соленого песка, водорослей и чертополоха.

ДОН ЭЛАДИО

Вот здесь, сказал Дон Эладио Собрино (мореход), и мы - остались. Постепенно дом пошел в рост, как люди, как деревья. Но дон Эладио вскоре умер. Он прожил много лет, до конца был весельчаком и не знал усталости. Потому что родом он из Андалузии. И когда в последний раз капитан Эладио Собрино пришел к нам, он весь вечер пел старинные песни моряков и андалузские серраны [23]. В тот самый день, когда он навечно перестал петь и мечтать о море, я по лесенке забрался наверх и на борту модели парусника, прикрепленной над камином, написал его имя большими буквами. Вот откуда имя «Дон Эладио» у модели этой парусной лодки, которую смастерили для меня в Веракрусе моряки, покинувшие «Мануэль Арнус».

(Большое судно, прибившись к берегу, покачивалось на волнах вместе с висящими на палубе их майками, простынями и длинными кальсонами.

Морская братия меня признала. И пригласила в гости, в свою бедноту. Мы славно пели и пили вместе, и потому моряки – выходцы из Андалузии - с такой любовью и терпением смастерили мне в подарок модель этого судна. И сказали со значением: «Точно такие уходят в море из Пуэрто-де-Санта-Мария» [24]).

Теперь над камином, сложенным из камня, которого так много в Исла-Негра, плывет парусник «Дон Эладио». Какое славное у него имя!

ЛЮДИ В ИСЛА НЕГРА

Когда спустя несколько лет нашим домом занялся Херман, архитектор, ему пришлось подлаживаться к характеру Старшего Мастера, дона Алехандро. Видели бы вы руки этого мастера! Нет такого камня, который не поддался бы его рукам. Нет такого гвоздя, ни скобы, ни пилы, ни молотка, ни болта, ни бутылки вина! Нет такого каменотеса, такого плотника, такого каменщика, как Старший Мастер, нет такого охотника до красного вина, как он. Не сыскать на всем побережье, где бескрайнее море (а он и не глянет в его сторону), где есть работа и вино.

Херман своими глазами видел, как Дон Алехандро поднимал эти тяжеленные квадратные камни. Поднимет такой камень, оглядит его и враз отсечет все лишнее. Как искрится камень на свежем сколе! И вот уже лежит недвижно, схваченный в плен цементом. А дом, точно гранитная гроздь винограда, рос, вызревая в удивительных руках дона Алехандро Гарсия.

Мы с Херманом не раз искали Мастера там, на лесах. Иногда что-то хотелось изменить, а чаще - понять, научиться.

Но что это? Наверху – никого!

Улетучился куда-то со своими учениками. Вот те раз! Еще только четверг. Должно быть, ветер Океании, налетавший нередко на берег, повстречался с каменщиками и с четвергом там, наверху, среди лесов. Что ж! Значит, все они спустились, вернее, поднялись на холмы - к вину, к дому Флоренсио, что по соседству. И целых три дня кирочка Мастера и молотки лежат брошенные на песке. Но, чу! Там, наверху, снова взялись за дело эти лукавые титаны. Да вон они!

Дон Алехандро Гарсия, взвешивая на руке огромные камни, вырезая виноградины из гранита, неспешно и любовно ставил мой новый дом. И для меня это не просто дом, а деревце из камня, посаженное и возвращенное его большими темными руками.

ЛЮДИ В ИСЛА НЕГРА

Я всегда считал себя плотником в поэзии, а вот Рафа, без сомнения, настоящий поэт в плотницком деле. Он приносит под мышкой свои инструменты, завернутые в газету, неспешно разматывает их, и мне кажется, что это его стихи. Потом он берет выдавший виды молоток с засаленной ручкой, стамески и зарывается в древесине. Его творения - безупречны. Рядом с плотником почти всегда мальчик и собака, оба они внимательно смотрят, как ладно движутся его чуткие руки. У плотника Рафы глаза Сан Хуана де ла Крус [25] и удивительные руки, которые бережно и мудро поднимают колоссальные стволы деревьев. Я написал мелом на потолочных буковых балках имена моих умерших друзей, а он сделал по ним прорезь, да так быстро и ловко, словно взлетел следом за мной птицей к потолку и написал эти имена острым кончиком своего крыла.

ИМЕНА

Я написал их на потолочных балках не потому, что они прославились, а потому, что это имена моих друзей, товарищей.

Рохас Хименес [26], неумный бродяга, так часто бросавший слово «Прощай», смешливый до смерти, влюбленный без ума в голубей и темноту.

Хоакин Сифуэнтес [27], чьи терцеты катятся вниз точно камешки в горной реке.

Федерико [28], он радовал меня, как никто, и навеки опечалил нас всех.

Поль Элюар, чьи глаза цвета незабудок, как и прежде - я верю - небесно-голубые, сохранили под землей всю полноту просветленной синевы.

Мигель Эрнандес [29], он зачаровывал меня своими соловьиными песнями, они будто слетали с деревьев на улице Принцесса, но тюремщики бросили в застенок моего чудесного соловья.

Назым [30], бурливый певец, отважный кабальеро, верный товарищ.

Зачем они так рано ушли? Но их именам не соскользнуть с потолочных балок моего дома. Каждое из имен - знак победы. Все вместе они были для меня воплощением Света. Теперь - это маленькая антология моих печалей.

ЗУБ КАШАЛОТА

Соль и кровь,
жизнь и смерть,
зеленую темень глубин
и пену кровавой охоты
принес он из моря,
из водного лона,
разверстого
плотью владельца его -
кашалота,
где крутятся
в сумрачном плясе
гигантские
звери -
повелители
вод
юга Чили.
Там
моря просторы,
там
в дальних широтах
студеные зори;
там
воздух
заиндевел
и заледенел
прозрачную твердью,
по своду
которой
скользит
альбатрос,
словно
по снежному насту.

А внизу
море
дыбится
башней,
то обрушится, то вознесется -
бурлящее варево,
где в свинцовых волнах
извиваются
водоросли,
бьются
в ознобе.
Вдруг
сошлись
под чудовищным
куполom
токи жизни
и смерти:
пропорол буруны
головую
сокрытый
под грядями волн
кашалот,
распилил
водный мрак
одним взметом
гигантской
подводной пилы.

И сверкают, искрясь
желтоватым отливом,
огнистые всплески
в разверстой улыбкою пасти,
что волна заливает напрасно.
Все же море и смерть
обретаются рядом,
неотлучно сопутствуют
зубатому склепу на водах.
И когда
тяжким пальмовым махом
обитатель пучин
вздыбил темные воды,
в его плоть
исполина
человечек вонзил
искру смерти -
то метнул
свой гарпун
просоленной рукою
чилиец.

Когда

кончился день,
полный
моря
и крови,
взял моряк
сручный нож
и на зуб
кашалота
нанес прорезью
два силуэта:
там слились в расставанье
он и она -
китобой,
пронзенный любовью,
и та, что застыла
корабельною рострой
под флагом прощанья.

Сколько раз,
прикасаясь рукою ли, взглядом,
я томил свое сердце,
вспоминая о давнем
моряцком венчанье,
впечаленном
навек
в тот зуб кашалота.
О, как я любил
ту печаль
разлученных
сердец,
что оставил резец
на кости
кашалота,
свирепого зверя
из морской преисподней.

Тонкий
след
поцелуя
печали
тот резец
расписал
на волнах
океана,
на страшной
ощеренной пасти
зыбей,
на острие
ятагана
рыбы-меч,
ускользнувшей
из царства теней:

всюду
врезалось
эхо
любви рассеченной,
расставанья
цветущих
сердец,
той мглы
предрассветной,
едва лишь пронизанной
светом
и волглой
от горестных слез
китобойной зари.

О, эта любовь
у самых
уст
океана,
меж
зубастыми
гребнями
ощеренных
волн,
под
грохот
стихии
первотворенья
и шепот
угасшего
всплеска
волны
с ароматом
жасмина,
любовь
впопыхах,
за незапертой
дверью
случайных ночевий,
с поцелуем,
что тверже удара,
чтобы снова потом
пролегло меж устами
вековечное
море,
разделило уста
островами,
разостлалось простором без краю,
где студеных широт корабли
идут под штормами,
и льдистою вьюгой
в жадном поиске

единого чуда
глубинного царства
южных
морей -
допотопного
зверя
иссиня-
сапфирного
цвета.

А теперь его зуб
у меня на столе,
а за окнами – мартовский дождь.

И все возвращается
в песчаную отмель побережья:
осенняя волглость,
затерянный свет,
туманное сердце
и зуб кашалота
с печатью любви -
миниатюра из кости,
корабль возвращения.
Ведь давно уже все,
что было
на веку человека, -
все любви и все гарпуны,
все, что было плотью и солью,
драгоценные запахи и то, что не имело цены,-
все ушло и распалось на дне моря смерти.
Одно лишь осталось
от судьбы гарпунера -
остался рисунок
давнишней любви
на кости кашалота.
А море -
море вечно шумит,
раскрываясь, как веер,
в прибое,
распуская и вновь собирая
бутоны
пенной розы,
вновь и вновь посылая угрозы,
и таким пребывает всевечно.

МЕДУЗА

В ту пору люди прятали меня в Вальпараисо [\[31\]](#). Время было бурное, напряженное, но моя поэзия вольно гуляла по улицам. Это бесило коварного отступника. Он затребовал мою голову.

Мне нашли убежище на холмах Вальпараисо. Парни приходили домой лишь вечером. Оба - безработные моряки, мечтавшие о корабле [32].

- Что интересного повидали сегодня в порту? - И они охотно рассказывали.

А я? Что я мог разглядеть в оконце под самым потолком, которое смотрело в узкий переулок, круто уходящий вниз.

И вот новость: один старый корабль разбирают на слом.

- А нет ли там фигуры на носу? – спросил я с волнением.

- Да, есть какая-то тетка, – сказали в ответ ребята.

Я тут же взялся руководить столь серьезным делом из своего подполья. Немало усилий стоило снять гвоздодерами деревянную статую с корабельного носа. Ну, а кто займется ее дальнейшей судьбой?

Эта статуя не должна пропасть. Она огромная, но, хоть умри, ее надо спрятать, и поскорее. Только где, как? В конце концов ребята нашли чье-то брошенное складское помещение. Когда ее наконец спрятали в дальнем углу этого склада, я уже верхом на лошади пересекал андские Кордильеры.

Спустя годы, вернувшись из изгнания, я узнал, что склад кому-то продан (наверно, вместе с моей подружкой?). Но, представьте, мы ее отыскали! Статуя преспокойно стояла во весь рост в саду, далеко от того склада. И никто не знал, чья она и откуда.

Извлечь статую из этого сада было ничуть не легче, чем в первый раз - из морских вод. Но однажды утром Солимано привез ее к нам на огромном грузовике. Мы с трудом спустили на землю деревянную великаншу и поставили, слегка наклонив вперед, у каменной скамьи – пусть неотрывно смотрит на океан. Наконец-то состоялось наше знакомство! Ведь прежде все перипетии ее освобождения я мог только воображать в полумраке подполья. Ну, а затем нас надолго разлучило время. Время террора и насилия. А потом – расстояние.

И вот я впервые увидел эту статую, покрытую столькими слоями краски и грязи, что не разглядеть ни ушей, ни носа. Но что ни говори, а эта матрона, окутанная летящей туникой, была по-особому величавой. Статуя напомнила мне ту Габриэлу Мистраль, с которой я еще мальчишкой познакомился в моем Темуко, когда она выходила на улицу, вся закутанная в монашеское облачение - с больших туфель до пучка на затылке.

МЕДУЗА II

Словом, глаза Медузы всегда смотрели на северо-запад, и ее большое тело, как и в прежние времена, клонилось к океану, точно на корабельном носу. Со временем мою Медузу, так занятно стоящую на цыпочках среди песков, повадились фотографировать туристы. А она, плутовка, каждый раз норовила водрузить себе на голову какую-нибудь птицу - то одинокую чайку, то горлицу, улетающую по осени в дальние края. С огромной морской статуей свыклись и мои домашние, и Омеро Арсе [33], которому я не раз диктовал свои строки, подымая голову к ее пепельно-серому лицу.

И вдруг на тебе - свечи! Однажды мы обнаружили в саду богомолка из соседней деревни, которые на коленях возносили молитвы этой выдавшей виды корабельной даме. Они-то и зажигали перед ней свечи ближе к вечеру, а ветер, знавший наперечет всех святых, задувал их с полным равнодушием.

Нет, это уж слишком! Ну, кто она такая? Сначала - порт Вальпараисо, общество матросни и грузчиков, затем - политическое подполье, да еще на своей собственной родине, потом вдруг – Помона [34] в складском саду, этакая благозвучная жрица, и теперь нежданно-негаданно – святая и, мало того, еретичка! При этом всякий знает, что у нас, в Чили, на меня готовы валить вину за все подряд. Так что того и жди припишут пропаганду новой ереси.

Нам с Матильдой удалось разубедить наивных богомолков. Мы открыли им все подробности личной жизни этой вырезанной из дерева женщины и, кажется, уговорили не ставить перед ней горящие свечи, которые, к тому же, могли и спалить нашу грешницу.

Кончилось тем, что мы унесли Медузу в дом, чтобы уберечь от свечного нагара, от губительного огня и затяжных дождей. Словом, ввели ее в пристойное общество других корабельных ростр.

И у Медузы началась совсем иная жизнь. Как только статую почистили, сняли стамесками и долотом толстый и жирный слой краски и грязи, она стала совсем иной. Засиял ее решительный профиль, изящные ушки и медальон, о котором мы даже не подозревали, а главное – во всей красе предстала густая грива волос, покрывавших ее голову, точно окаменевшей листвой какого-то дерева, которое еще помнит прилетавших к нему птиц.

СУДОВЛАДЕЛЕЦ

Никто и не знал, что это корабельный ростр, так далеко унесло его временем от старинного бушприта. В Венесуэле мне рассказали, что долгие годы он был вполне достойным бюстом Отца Родины [35]. Потом скитался по дворам одного колледжа, где служил мишенью недобрых школьных проделок и забав.

А я, едва увидел его, погруженного в думы и затерянного в нескончаемой иконографии, сразу понял – он родом из моря. Нечего и сомневаться, коли вот она, эта кайма волны, этот кружевной завиток пены, который мастера, как правило, вырезают рядом с фигурой предводителя корабля. А морские странствия и перебитый нос – наверно, какой-то сорванец запустил в него камнем - сделали его еще более вдохновенным и романтичным, удивительно похожим на Пушкина. Пусть решают - национальный герой или поэт, но по мне он не кто иной как судостроитель, мореход, вырезанный когда-то из дерева для своего морского предназначения, а затем бури и передраги окружили его ореолом тайны.

Поэты, собравшись в Каракасе, торжественно вручали мне этого морехода. Я навсегда запомнил, как звенели бокалы в саду, и ночное летнее небо было усеяно звездами венесуэльской поэзии.

ЦЕРЕМОНИЯ

В 1847 году американскому кораблю, клиперу под названием «Симбелина», пришлось войти в маленькую безымянную бухту на севере Чили. И моряки спешно принялись

снимать с парусника корабельный ростр. Белая и позолоченная фигура походила на молодую невесту в наряде времен Изабеллы II. Лицо этой девушки, вырезанное из дерева, поражало своей печальной красотой. Но моряки «Симбелины» взбунтовались. Они решили избавиться от корабельной статуи, уверовав, что коварная дева водит глазами по сторонам в открытом море, чтобы сбить с курса корабль и держать в страхе всю команду.

Снять эту морскую предводительницу со старого, но мощного корабля – задача не из легких. Однако суеверный ужас придал морякам силы. Им удалось отпилить толстенный болт, крепящий статую на бушприте, и перерубить все гвозди. Не без опаски и уважительного трепета моряки оторвали ее от корабельного носа. Затем они погрузили эту красавицу в шлюпку и на веслах подошли к берегу.

В тот июльский день - самая середина зимы - море волновалось. И крупный неспешный дождь, непривычный в том пустынном краю, тяжело падал на землю.

Семь моряков взвалили на плечи деревянную статую, так странно разлученную со своим кораблем. Потом выкопали для нее яму в песке. Гуайянес, питавшиеся падалью, с визгливым карканьем кружили над людьми, пока длилась эта тягостная церемония. Как знать, захотел ли кто из могильщиков помолиться, испытал ли внезапно чувство глухой тоски или раскаяния?

Гаруга [36], медленный северный дождь - то ли туман, то ли какая-то фантазмагория, - вдруг затянул очертания морского берега, желтые скалы и шлюпку, которая в великом безмолвии вернулась вместе с моряками к паруснику «Симбелина» тем утром, в июле месяце 1847 года.

ВЕЛИКИЙ ВОЖДЬ КОМАНЧЕЙ [37]

Диву даюсь, как он мог попасть в мой дом при его огромном росте, да еще с таким грозным колчаном. Но, так или иначе, этот Краснокожий здесь, и он - властитель: у него наряд из перьев, у него волевое лицо, его вырезали из прочной красной секвойи, выдержавшей железный натиск волн.

Этот «Вождь краснокожих» родом с китобойного судна, из штата Массачусетс. Быть может, такой же стоял на носу судна молодого Мелвилла [38], которое заходило в перуанские и чилийские порты. Всякий знает, что «Вождь краснокожих» - излюбленный корабельный ростр китобоев. И мастера с острова Нантакет [39] наострились вырезать его из дерева. А когда настало время пароходов и красавцы-парусники были преданы забвению, старые мастера продолжали вырезать статуи Краснокожих, которые с годами превратились в фирменный знак аптек и табачных лавок. (Ах, эти прежние «Бутики индейца», где смешались сотни запахов корений, где алхимик с особой деликатностью готовил в ступе свои ароматические мази и порошки!)

И ни разу я не видел, чтобы мой Краснокожий опасливо нахмурил бровь: он всегда при своих стрелах, топоре, ноже, он всегда готов к бою, он - храбрец из храбрецов в обществе моих безоружных морских дев! Ни сам Буффало Билл [40] с его похождениями и беспорядочной стрельбой, ни океан, полный строптивых монстров, не сумели поколебать могущество моего Краснокожего. Вот он здесь, в целостности и сохранности, по-прежнему непобедимый.

СИРЕНА

Это было на крайнем Юге, где территория Чили переходит в долгую россыпь островов. Архипелаги, заливы, проливы, распавшаяся, рассеченная водой земля, ураганы Патагонии, а затем – море Антарктики.

Там я ее и нашел. Она держалась кое-как на пришедшем в негодность судне, полусгнившем, просаленном, покрытом копотью. И было что-то патетическое в этой богине под ледяным дождем, там, на самом краю земли.

Наперекор бешеным ветрам мы ее высвободили из антарктического плена. И очень вовремя, потому что через год или раньше случилось подводное землетрясение и эту старую посудину унесло в бездну океана, а может, в саму преисподнюю. А когда-то судно называлось «Сиреной». Вот почему имя Сирена осталось и у статуи. «Сирена» из Глазго. Да и не такая она старая! Из верфи судно вышло в 1886 году. Но под конец оно развозило уголь по маленьким суденышкам на юге Чили.

Но подумать, сколько позади событий и морей, сколько лет и усталости, сколько волн и смертей до той поры, пока эту статую не прибило к беззащитному порту подводных землетрясений! А теперь - к моей жизни.

МАРИЯ НЕБЕСНАЯ

Мы с Аленом извлекли ее из лабиринта Блошиного рынка, где она лежала под семью слоями забвения. Поверьте, совсем непросто было разглядеть ее среди сломанных кроватей, покореженного железа. Мы вывезли ее оттуда на машине Алена, привязав к багажнику, а потом, много времени спустя, она прибыла в ящике в порт Сан-Антонио [41]. Солиmano удалось пройти с этой победительной Девой через таможню, и он привез ее в Исла-Негра.

Но к тому времени я совсем забыл про эту статую. А может, из памяти все-таки не исчезло ее явление в пелене пыли среди груды “ferraille” [42]? Так или иначе, когда ящик был вскрыт, мы пришли в восторг от ее невыразимой красоты.

Она вырезана из черного дерева и вся светится нежностью. Ее куда-то уносит ветер, поднимая края легкой туники. Молодость ее груди подчеркнута брошью, прихватывающей глубокий вырез платья. У нее печально-ждушие глаза, и голова поднята навстречу ветру. Во время долгой зимы в Исла-Негра таинственные редкие слезы скатываются из ее стеклянных глаз, они остаются на щеках и не могут упасть. Все дело в повышенной концентрации влажности, говорят скептики. Нет, это - чудо, говорю я почтительно. И не утираю эти слезы: их мало, но они, как топазы, сияют на ее лице. Я не утираю эти слезы, потому что привык к ее плачу, такому затаенному и скрытому, будто его не следует замечать. А потом проходят долгие месяцы холодов, снова светит солнце, и сладостное лицо Марии Небесной улыбается нежно, как сама весна.

Но все-таки, почему она плачет?

НЕВЕСТА

Она самая любимая, потому что самая несчастная.

Ненастье изрезало ее кожу на кусочки, или чешуйки, или лепестки. Покрыло трещинами все лицо. Отбило у нее руки. Раздробило круглые и обласканные плечи. Обласканные шквалистым ветром и морскими странствиями.

Вся она будто осыпана тысячью тысяч пенных брызг. Ее благородное посеченное трещинами лицо превратилось в серебряную маску, которую ожгли и смяли ледяные бури. Недоля окутала ее сетью пепла, роем тумана.

СИМБЕЛИНА

О невеста Симбелина, о чистейшая из чистейших, нежнейшая из нежнейших! О ты, дева в мантилье с разбитым носом! О мечта безутешного корабля, роза из кристалликов соли, водяная лилия!

Когда мы подошли к тому дому, где, как выяснилось, никто меня не ждал, чутье подсказало мне вернуться и глянуть в замочную скважину. И вот в глубине я впервые увидел твое скитальческое лицо. И дал себе клятву, что ты вернешься в море, в море Исла-Негра. Я кружил вокруг дома, пока надменный хозяин с замашками феодала не выгнал меня, точно опасного злодея. Он действовал хитростью и силой. Этот себялюбец вернул мне все мои любовные письма и отверг все подарки, которыми я надеялся подкупить его.

Верные и дорогие моему сердцу Педрегала и Матасон взяли его штурмом, они разгромили весь особняк, порешили всех часовых, разбили вдребезги витрины с хрусталем, и, пустив в ход артиллерию и проклятья, вызволили из плена снежную Симбелину. Об этих подвигах до сих пор рассказывают в тавернах Вальпараисо.

Вон она какая, посмотри! Посмотри, прежде чем ее похитит свет или ночь. Эта морская душа небес так и не привыкла к земле. За века странствий она растеряла какие-то части тела, наполучала туманов, накопила немало трещин, но сумела сохранить поразительную свежесть. Годы морских странствий, бег времени, одиночество, усеянное звездами, беспощадные волны, жестокие битвы сделали ее взгляд потерянным, а сердце – беспмятным. Она – сама ночь, сама отрешенность, чистейшая роза и спокойная ясность, дар небес.

И, поди знай, то ли она улетит, то ли вдруг уплывет, безо всякого предупреждения, стремясь к своей ночи или к своему кораблю, нарисуетя голубкой на морском ветру.

(Примечание: меж тем я открыл, что она и есть та самая взбалмошная *Симбелина*, из-за которой сбивались с курса корабли. Это ее схоронили в песках.)

КРАСОТКА

Этот баркас по праву назывался «Красотка»: он оставался прекрасным даже тогда, когда пришел в негодность под ударами ураганных ветров в Магеллановом проливе и стал игрушкой морских бурь и всяческих напастей. Остов судна сохранялся спустя годы после кораблекрушения, но от корабельной фигуры, что стояла на носу, постепенно отваливались куски дерева. Ее так исхлестали безжалостные волны, что куда-то исчезли

нарядные одежды, пропали ладони, руки и лишь каким-то чудом сохранилась голова, точно посаженная на кол на самом почетном месте корабля.

В один из ясных и тихих дней она попала в чьи-то алчные руки. И пошла по рукам.

Но на ее лице ничто не отразилось. Ни беспрестанные атаки моря, ни кораблекрушение, ни грозное одиночество Магеллана, ни бураны, что кусают снежными и ледяными зубами. Ничто!

Она осталась такой, как и была, – бесстрастное лицо куклы и пустота вместо сердца.

Ее превратили в настольную лампу, и я обнаружил ее впервые под жалким абажуром из искусственного шелка, с той же улыбкой, которая так и не поняла, что такое горе. На мочке одного уха, уцелевшего в бурях, был след ожога электрическим током. Придя в ярость, я сбросил с ее головы эту дешевую шляпу, которой, похоже, она была вполне довольна, избавил ее от этой постыдной электрификации. Мне хотелось, чтобы она смотрела на меня так, будто с ней никогда ничего не происходило, чтобы она была такая же красавица, как и до всех крушений на море и в вестибюлях.

МИКАЭЛА

Последняя, кто попал (1964) в мой дом, была Микаэла.

Она - пышнотелая, уверенная в себе и у нее огромные руки. После стольких странствий по морям-океанам, Микаэла охотно согласилась мирно стоять в саду среди огородных грядок. Там она легко отказалась от своей морской профессии, сбросила с себя груз тайны, которая наверняка у нее была (потому что я привез ее с причала), и стала безгрешной, земной, обернулась рострой земледелия. Похоже, в ее протянутых руках не дары морского заката, а спелые яблоки и кочны капусты. Теперь она - росистая, полевая.

ЗНАМЯ

У меня знамя синего цвета с нарисованной по горизонтали рыбой, которую то замыкают, то отмыкают два астральных круга. Зимой, когда упорно дуют ветры и в нашем прибрежном краю – ни единой души, мне нравится слушать, как плещется знамя и плавает в небесах рыбка, точно она там и живет.

- А с чего именно рыба? - спрашивают многие. - Это что-то мистическое?

- Да, - говорю, - это символический ихтиомин, дохристианский, цистерцианский [\[43\]](#), световластный, это - жарено, настоящее, это жареная рыбка.

- И ничего больше?

- Ничего больше.

Но в самые холода там, наверху, бьется и бьется знамя со своей рыбкой, дрожа от холода, от ветра и простора небес.

ЯКОРЬ

Этот якорь попал к нам из Антофагасты [44]. С одного из тех больших суден, что плывут, груженные селитрой, по всем морям. Якорь долго лежал в сухих песках Большого Севера. Однажды кому-то вздумалось послать мне его в подарок. Для него, такого огромного и тяжелого, это было трудное путешествие: с грузовика на подъемный кран, с торгового судна на поезд, с причала снова на судно. Оказавшись у ворот моего дома, он вдруг уперся и ни с места. Пригнали трактор. Но якорь не поддавался. Пригнали четырех быков. Эти рванули со всей яростью и тогда – да, тогда он дополз до того места, где растут береговые цветы, и, склонившись на один бок, остался там навсегда.

- Пора его красить! Смотри, как он ржавеет.

Да пусть! Он такой могучий и молчаливый, точно и не расставался со своим кораблем, ему нипочем даже этот разъедающий соленый ветер. Мне нравится, что его постепенно покрывает шершавый нарост из бесчисленных ржаво-красных железных чешуек.

Каждый стареет по-своему, и якорь в одиночестве песков держится с тем же достоинством, что и на плывущем корабле. Лишь на его крестце все заметнее места, где вместо железа одна осыпь.

ЛОКОМОБИЛЬ

Такой могущественный, такой хлебный, такой безустанный, свистящий, гремящий! Он столько намолотил зерна, столько насыпал опилок, столько повалил деревьев, нарезал шпал, выпустил дыму, масла, искр, огня, да еще с таким пронзительным свистом, что в дрожь бросало окрестные луга.

Я люблю его, потому что он похож на Уолта Уитмена.

ЭТОЙ КНИГЕ - О МОЕЙ ЛЮБВИ

В этой пустоши я был всевластен,

я был волен свободой к ладони прилаженной снасти,

волен прихотью трав, что не знали покоса,

волен взбалмошью пса, что шалает от россыпи росной.

Но, любимая, наше время истлеет и вспыхнет другое,

уже для других, и другие зажгутся глаза,

другая плоть распалится; а та мокрая зелень на камне

и те белые гребни, что волны прядут неустанно, -

все будет таким же, но только без нас,

все останется жить в бесконечности дней,

в которых не будет тебя и меня.

Что останется после - чибиса крик отдаленный

среди пустынных холодных песков,

под студеным порывом, обжегшим лицо

и окутавшим льдистым сияньем,

как покровом далекой звезды?

Что останется здесь после нас? Мы - что дикие птицы,

то свиваем упорно в кустарниках гнезда,

то угрюмо сидим по уступам скалистым...

Но тогда, если жизнь есть всего лишь предтеча,

лишь зачин, чтобы стать этой жесткой землею,

помоги мне, любимая, справиться с делом,

помоги мне найти свое место в лоне ждущей земли.

В океанских просторах искали мы розу

лепестками раскрытой звезды, ее жгучих касаний;

угнетенному, слабому, хворому мы отдавали

даримую ветром свободу пути и исканий.

Теперь уже поздно. Возможно,

наша жизнь протекла одним днем лазурно-медвяного цвета,

а возможно, прошла одна ночь,

один миг вековой напряженного взгляда

распахнутых век, что вместили меру моря окрест;

здесь с тобой мы вобрали пространство в объятье

неохватной, всесильной любви, что останется вечно

трепетать среди пены прибоя и крепи корней.

МОРЕ

Море рокочет, словно это отзвуки былого сражения. Что оно там везет на своих подводных подводах? Бочки, башни, баки, бури и барабаны? Когда океан перетряхивает свое добро, тревожно вздрагивает наш дом. Ночь содрогается, звук нарастает до самой темной яри, и мы, задремывая в гуще морского неистовства, ни о чем больше не знаем, и просыпаемся запоздало, когда удар той гигантской волны уже ушел в песок и превратился в безмолвие.

МОРЕ

Что вызывает глухую тревогу, так это его огромное синее брюхо, вспухшее и тяжелое, оно колышется неспешно, не сдвигаясь с места, оно не выжидает минуты, чтобы напасть.

Что должно родиться? - спрашиваешь у этой округлой успокоенности. И от тихой качки постепенно засыпаешь, еще глубже зарывшись в грозной колыбели.

МОРЕ

Меня со всех сторон окружает море, меня заполонило море; мы все насквозь просоленные, мой стол, мои брюки, моя душа – мы превратились в соль. Теперь мы не знаем, что нам делать на улицах, среди торопливых людей, в лавках, на балах, мы позабыли все правила поведения, растеряли самые главные слова, чтобы что-то купить или продать. Нашим товаром столько времени были лепестки, напоенные йодом, морские ракушки, водоросли – длинные, сверкающие, змеящиеся. Нас так забрызгала соль морской пены, так насытила соль прибрежного воздуха, словно мы и есть затерянный дом, где властвует лишь крепкий соляной раствор.

МОРЕ

Соль на сто верст, соль по горизонту, соль кристального прямоугольника, соль ветров и бурь, соль семи морей, соль...

МОРЕ

Этот забор, эта дверь туда, где нет предела. А зачем?

Мы унаследовали заборы, замки, стены, тюрьмы.

Мы унаследовали границы. А зачем?

Отчего мы не отвергли в час нашего рождения все, что нам дано и что неохватно? Все оттого, что нам следовало прийти к согласию еще до рождения. Рождаясь, чтобы *быть и знать*, мы быстро учимся огораживать и закрывать. Наш скудный дар миру – это мир, который мы сузили.

МОРЕ

Эта жалкая изгородь была поставлена лишь для того, чтобы мои собаки – Панда и Юфу – не забегали на земли священников и не погрызли их овец. У священников целые стада овец недалеко отсюда, в Пунта-де-Тралька, рядом с самым высоким утесом на побережье.

Мои совсем уже старые собаки, как на грех, узнали туда дорогу, и мы решили не допустить беды.

Нынче прибрежные травы, напоенные солоноватой росой, опутали старые жерди, которые белеют, точно китовые кости, и едва держатся под напором тугого ветра. На что пригодна эта старая изгородь? Есть она, нет - а мои глаза устремляются в бесконечность.

МОРЕ

Там, за этими никчемными жердями, расстилается море, оно поет, и знать не знает, что для него поставлена ограда, и не смирится с ней никогда. В его порывах - соль и горечь, в его песнях - раскаты грома. Его бунтарская пена говорит мне о чем-то и следом взрывается, говорит и опадает, манит к себе, и нет ее, исчезла.

МОРЕ

Поет и ударяет в берег море, оно несогласно. Нельзя его привязывать! Нельзя огораживать! Оно еще только рождается. Бьется пенная вода о камни и море впервые открывает свои глаза, которым несть числа. А потом снова закрывает, не затем, чтоб умереть, а чтобы вечно рождаться.

[1]

[2]Хулио Кортасар. Неруда среди нас, в кн. Х. Кортасар. Я играю всерьез... М., Академпроект, 2002. Перевод Э.Брагинской.

[3]П. Неруда. Признаюсь: я жил. М., Политиздат, 1988, стр. 366. Перевод Э. Брагинской.

[4]Признаюсь: я жил, стр. 195. Перевод Л. Синянской.

[5]Признаюсь: я жил, стр. 338. Перевод Э. Брагинской.

[6]Темуко – городок на юге Чили, где провел детство и юность Неруда.

[7]Лонкоче – город на юге Чили.

[8]Васко Нуньес де Бальбоа (ок.1475-1517) – испанский конкистадор. В 1513 году первым из европейцев увидел Тихий океан, который назвал Южным морем и, войдя в воду со шпагой в руке, объявил его владением испанской короны. Был обвинен в подготовке мятежа и обезглавлен.

[9]Жан Франсуа Лаперуз (1741-1788) – французский мореплаватель, исследователь островов Тихого океана и др. территорий. Руководитель кругосветной экспедиции 1785-1788 гг., которая пропала без вести. Останки были найдены на одном из островов в юго-западной части Тихого океана.

[10]Фернан Магеллан (1470-1521)- португальский мореплаватель, чья экспедиция совершила первое в истории кругосветное плаванье. Открыл пролив, названный его

именем, и первым пересек Тихий океан. Убит в схватке с жителями Филиппинских островов.

[11] Джеймс Кук (1728-1779) – английский мореплаватель. Руководил тремя кругосветными экспедициями, открыл многие острова в Тихом океане. Был убит жителями Гавайских островов.

[12] Саргассовые водоросли – группа кустистых морских водорослей (до 1 м длиной).

[13] Маори - полинезийский народ в Новой Зеландии.

[14] Фиджийцы – коренное население острова Фиджи в юго-западной части Тихого океана.

[15] Рапануи - индейское название острова Пасхи, расположенного в 3200 км от южноамериканского материка.

[16] Эстремадурцы - жители испанского автономного сообщества Эстремадура на юго-западе Испании.

[17] Морские блюдца – вид моллюсков.

[18] Хайва – морской рачок, обитающий в раковине.

[19] Кочаюйо – морская водоросль серо-бурого цвета, употребляемая в пищу и содержащая большое количество йода, железа, кальция и других микроэлементов. Произрастает в водных пространствах Чили и других южно-антарктических зонах.

[20] Имеется в виду баллада «Фабула Хениля» испанского поэта Педро Эспиносы (1578-1650), считающегося одним из самых изысканных певцов природы в испанской поэзии XVII века. Хениль – приток Гвадалквивира, реки, протекающей в Андалузии.

[21] Алонсо де Эрсилья (1533-1594) – испанский писатель, участник экспедиции испанских конкистадоров против индейцев-арауканов. Героическое сопротивление арауканов вдохновило его на создание эпической поэмы «Араукана», ставшей первым произведением чилийской литературы.

[22] Кустарник семейства лавровых.

[23] Песни, близкие по звучанию фламенко, которые возникли на крайнем западе Испании в горах Андалузии.

[24] Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария - город-порт в кадисской бухте (Андалузия). Санта Мария-дель-Мар – покровительница мореплавателей.

[25] Сан Хуан де ла Крус (1542-1591) - испанский поэт-мистик, автор религиозных трактатов.

[26] Альберто Рохас Хименес (1900-1934) – чилийский поэт-авангардист, основатель литературного журнала «Кларидад», близкий друг юного Неруды.

[27]Хоакин Сифуэнтес Сепульведа – чилийский поэт, друг Неруды, совершивший убийство на почве ревности.

[28]Федерико Гарсия Лорка (1898-1936) – испанский поэт, большой друг Неруды.

[29]Мигель Эрнандес(1910-1942) – испанский поэт, республиканец, погиб в тюрьме.

[30]Назым Хикмет (1902-1963) – турецкий писатель, поэт, после 17-ти летнего тюремного заключения с 1951 года жил в СССР, где Неруда с ним познакомился и подружился.

[31]Неруда описывает тот период своей подпольной жизни, когда он скрывался от преследований властей в бедном квартале города-порта Вальпараисо (1948 год).

[32]В семье, где жил Неруда, было двое сыновей, которые не могли наняться на пароход и работали в порту грузчиками.

[33]Омеро Арсе – друг и личный секретарь Пабло Неруды.

[34]Помона – в римской мифологии богиня плодов и садоводства.

[35]Имеется в виду Хосе Антонио Боливар (1783-1830)- один из прославленных руководителей Войны за независимость испанских колоний. В 1813 году был провозглашен венесуэльским конгрессом Освободителем и Отцом Родины.

[36]Гаруга – морось с туманом.

[37]Команчи – индейское племя в Северной Америке.

[38]Герман Мелвилл (1819-1891) – моряк, американский писатель, автор широко известного приключенческого романа «Моби Дик».

[39]Нантакет – остров у северо-восточного побережья Атлантического океана.

[40]Уильям Коди (Буффало Билл; 1846-1917) – американский искатель приключений, участник Гражданской войны, разведчик, прославился победой над вождем индейцев Северной Америки, герой дешевых исторических романов и актер. Организовал шоу «Дикий Запад», которое принесло ему мировую славу и огромное состояние.

[41]Сан-Антонио – город-порт недалеко от Сантьяго.

[42]Ferraille (франц.) - старое железо, железяки.

[43]Цистерцианцы – монашеский орден, ветвь бенедиктинского ордена, основанного в 1098 году. Первый монастырь ордена - Цистерциум, ок. Дижона, Франция.

[44]Антофагаста – город и морской порт на севере Чили.